

Научная статья
УДК 17.03
doi: 10.17223/1998863X/68/10

ДВЕ НЕМЕЦКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Василий Леонидович Курабцев

*Московский государственный областной университет (МГОУ), Москва, Россия,
kurabtsev@mail.ru*

Аннотация. Анализируются аксиологические оппозиции (дихотомии) двух немецких идеологий – государственно-националистической и экзистенциально-гуманистической. Выявляются те сущностные акценты ценностей, которые одних немцев вдохновляли на агрессивно-насильственную деятельность, а других – на, скорее, противоположную активность. В заключение обоснована повторяемость идеологий и исторических событий.

Ключевые слова: аксиологические оппозиции, государственно-националистический, экзистенциально-гуманистический, брутальность, человечность, расизм, национализм, антирасизм, интернационализм, гуманизм, экзистенциализм

Для цитирования: Курабцев В.Л. Две немецкие идеологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 95–107. doi: 10.17223/1998863X/68/10

Original article

TWO GERMAN IDEOLOGIES

Vasilii L. Kurabtsev

Moscow Region State University, Moscow, Russia, kurabtsev@mail.ru

Abstract. The article analyzes the axiological oppositions (dichotomies) of two German ideologies – state-nationalist and existential-humanistic. The work is aimed at identifying the philosophical and ideological foundations of the history of Germany in the XIX – first half of the XX centuries. They are connected, first of all, with the struggle of two German ideologies that asserted opposite axiological values. The task is to identify those essential accents of values that inspired some Germans to aggressive and violent activity, and others to rather the opposite activity. The first axiological opposition of ideologies is almost anti-Christianity and Christianity. The doubtfulness of Hegel’s “Lutheranism” and the spiritual Christianity of Francis of Assisi and Hesse are shown. The second opposition is brutality and humanity. The arguments of Hegel’s brutality and rigidity and the humane motives of Hesse’s ideology are presented. The third is militarism and anti-militarism. The article shows the assessment of wars by a number of German thinkers, Hegel and the reverse assessment by Hesse. It shows Hesse’s struggle to awaken a sense of responsibility among the German people after 1945. The fourth opposition is revolutionism and anti-revolutionism in two ideologies. The fifth is the racism and nationalism of the German thinkers, Hegel and Hesse’s anti-racism and internationalism. The sixth dichotomy is the totalitarian spirit and the anti-existentialism of Hegel and humanism, as well as Hesse’s existentialism. Hesse defends a person’s personal choice, *personal path*, sometimes even in spite of the state, society, nation. In conclusion, the repeatability of ideologies and historical events is justified. The dichotomies of nationalism and globalism, fanaticism and pragmatism and others are shown; the change of the principles of existence and types of morality in the “spiritless” world.

Keywords: axiological oppositions, state-nationalist, existential-humanistic, brutality, humanity, racism, nationalism, anti-racism, internationalism, humanism, existentialism

For citation: Kurabtsev, V.L. (2022) Two german ideologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 95–107. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/10

Немецкий народ в европейской и мировой истории последние две тысячи лет играл значительную роль. В XX в. две мировые войны развязала прежде всего Германия, решая вопросы «жизненного пространства», колониальных приобретений, господства в Европе и мире, развития своей нации и культуры. Каковы же философско-идеологические основания этих событий? Они видятся связанными, прежде всего, с борьбой двух немецких идеологий, утверждавших противоположные *аксиологические ценности*. Автор не ставил целью детально показать весь противоречивый идеологический процесс в Германии, даже на протяжении «всего лишь» XIX–XX вв., его задача – выявить те *сущностные акценты ценностей*, которые одних немцев вдохновляли на агрессивно-насиловательную деятельность, а других – на, скорее, противоположную активность.

Первые акцентированные ценности, весьма сильные и характерные для Германии последних двух веков, – *государственно-националистические идеи*, причем нередко с аргументированным военным (как бы необходимым) уклоном. У истоков немецкого национализма оказались крупные мыслители – Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) (основатель концепции самого национализма, хотя он и не поддерживал его программу) и Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814), считающийся отцом-основателем немецкого национализма. Гердер в работе «Идеи к философии истории человечества» понимал нацию метафизически – не столько как продукт природы и истории, сколько как особую идею Бога с присущим ей неповторимым языком и миссией в мире. Немцев он наделял многими добродетелями: верностью, сдержанностью, смелостью, светлой головой и справедливым умом.

Не удивительна и позиция Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831), касающаяся Германии, – это особая великая страна в сердце Европы, объединяющая «Среднюю Европу» (будущий термин пангерманизма). Античная философия, в его понимании, продолжилась именно в немецкой философии. А высшее достижение четырех всемирно-исторических царств – «примирение ...объективной истины и свободы» – реализовалось исключительно «северным началом *германских народов*» [1. С. 441].

Современник Гегеля и Гёте, Эрнст Мориц Арндт (1769–1860) высказывался еще более откровенно и в духе национализма, а также антисемитизма и славянофобии. В своей «Речи о мире» Арндт называл немцев «пухом» и «сердцем» Европы. При этом, оказывается, войны нужны, ибо без них народ погружается в ничтожность и лень. А чтобы этого не произошло, немцам надо вернуться во времена благородных варваров – древних германцев. Причину разрушения связи с германцами Арндт усмотрел в классической литературе (т.е. во многом в общечеловеческой нравственности). Между тем Мать-Природа особенно глубоко связана с нордической расой. Арндт сожалеет о том, что немцы поддались «лжеучениям» гуманизма и космополитизма.

Идеи Арндта, Гегеля и других националистов были подхвачены (или высказаны во многом независимо) многими мыслителями Германии: Карлом фон Клаузевицем (1780–1831), Фридрихом Ницше (1844–1900) (оправдание войны), Освальдом Шпенглером (1880–1936), Генрихом фон Трейчке (1834–1896), Хельмутом Карлом Бэрнхардом фон Мольтке, Мольтке Старшим (1800–1891) и др. У Кольмара фон дер Гольца (1843–1916) можно прочесть следующее: «Германия еще не достигла зенита», «время покоя еще не настало и что предсказание о последней решительной битве за существование и величие Германии не есть химера, распространяемая честолюбцами» [2. С. 440].

Разумеется, немцы были не единственными европейцами, кто высказывался в духе национализма и расизма, – это также швед Челлен с его геополитическими идеями, французы Гобино и Лапуж (расовая теория), англичанин Хьюстон С. Чемберлен и др.

Мартин Хайдеггер (1889–1976) тоже, причем тайно, в своих «Черных тетрадах», возвеличивал «национальных героев», сравнивая нацистов с древними греками. Он признавал свой народ «метафизическим», причастным к Бытию, и не сомневался, что другой народ Германии, а именно евреи, предательски уводит от Бытия к сущему.

Вторая идеология – *экзистенциально-гуманистическая* – тоже имела своих героев. Из них особо выделяется немецко-швейцарский писатель и гуманист Герман Гессе (1877–1962). В его понимании Германская республика начала 30-х гг. не может не вызывать «глубокого недоверия». «Это беспочвенное и бездуховное государство возникло из вакуума, из всеобщей усталости после войны» (после Первой мировой войны) [3. С. 199].

Гессе зовет свою нацию к человечности и христианству и сражается за эти идеалы с Гегелем, нацистами и едва ли не с большинством своего народа. И его пребывание даже в нейтральной Швейцарии было опасным. «В годы войны мы здесь, в швейцарском „раю“, каждый день могли ждать „добрососедского“ визита коричневых бесов и что в нашем раю нас, людей из черного списка, уже ждала тюрьма или виселица» [3. С. 286].

В государственно-националистической и экзистенциально-гуманистической идеологиях Германии явственно проступают более *конкретные ценностные оппозиции*: почти антихристианство – христианство, брутальность – человечность, милитаризм – антимилитаризм, радикализм – антирадикализм, расизм и национализм – антирасизм и интернационализм, тоталитарный дух и антиэкзистенциализм – гуманизм и экзистенциализм.

Почти антихристианство – христианство

Изначально, с европейского и немецкого гуманизма XV в., наиболее часто гуманистами оказывались критически мыслящие христиане, например Эразм Роттердамский (ок. 1466–1536), который предпочитал национальному энтузиазму позицию гражданина мира и выступал против всякого насилия и войн. Морально-идеологическая близость к христианству обнаруживается у Фридриха Шиллера (1759–1805), Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832), Иммануила Канта (1724–1804). Кант был убежден, что ход истории неизбежно ведет к прогрессу, к идеальному гражданскому обществу («Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском отношении»). В сочинении «О вечном

мире» он предполагал возможность вечного мира на основе «великого народного союза», конфедерации правовых государств.

Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832), как гуманист, как человек, при всей противоречивости своего героя Фауста и личной противоречивости, всегда верил «в победу благородного над злым», был «личностью с неистребимым этическим потенциалом, для которой лишь „совесть – светило нравственного дня“» (см.: Гёте. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. С. 466).

Нередко христианство мыслителей достигало такого уровня пересмотра христианских ценностей, что оказывалось едва ли не *антихристианством*. Например, Г.В.Ф. Гегель неоднократно говорит о себе: «Я лютеранин и хочу остаться им» [4. С. 126]. Однако вопрос о его христианстве проблематичен. Он учился в Тюбингенской лютеранской семинарии, а там преобладало ироничное отношение к чудесам Библии. То есть к самому существенному в Священном Писании. Жак Д'Онт пишет, что в основном «в душе *итифтлера* перевешивало христианство, но иногда... язычество», например Вакх или Сократ [5. С. 65]. Католическую схоластику Гегель оценивал как «несвободное» мышление. После окончания семинарии служить пастором он не пожелал, поскольку реальная церковь «предает „божественное начало“» [5. С. 92]. А в письме к Шеллингу «общим домом» назвал «невидимую церковь». Д'Онт уверен, что «невидимая церковь – это франкмасонство» [5. С. 121], впрочем, неподтвержденное у Гегеля.

В Швейцарии он создает сочинение «Жизнь Иисуса» (1795), в котором, согласно Д'Онту, Христос представлен без сверхъестественных чудес и напоминает «учителя кантианской морали» [5. С. 110]. В своих лекциях по философии религии Гегель «довольно грубо посмеялся над католической концепцией Евхаристии» [5. С. 320].

Не есть ли это просто лютеранство? Гегель говорит: «Причастие, согласно лютеранскому пониманию, есть нечто божественное лишь в вере, во вкушении, а не почитается как святые дары; точно так же образ святого есть для нас только камень или предмет» [4. С. 127]. В целом «христианские» ценности Гегеля таковы: нравственность, а не святость; брак, а не святость безбрачия; «обладание имуществом и деятельностью», а не «святость бедности и ее праздности»; служба государству, а не «святость послушания, чуждого всяким обязанностям и правам, порабощения совести»; свобода духа, а не «религия несвободы» [6. С. 376].

Для монахов и других «благочестивых людей» у Гегеля находятся только такие слова: «жалкие создания», «вши или паразитические растения». У них «овечья кротость», «паралитичная и трусливая кротость» [5. С. 190, цит. Гегеля]. А главное – у монахов нет никакой энергии и деятельности для целей всеобщего, для Разума!

Тайна святого Франциска Ассизского, который «верил, что открыл тайну жизни и она – в том, чтобы *стать слугой, стать вторым* (выделено мной. – В.К.), а не первым» [7. С. 45], – полная противоположность тайне жизни человека в понимании Гегеля. И в конце концов даже Бог Гегеля оказался *только* Абсолютной Идеей, творящей «мир и человека *в целях самопознания* (выделено мной. – В.К.)», причем с чудовищными затратами человеческих индивидуальностей, поколений и сил [8. С. 16]. И.А. Ильин так выразил соотношение живого Бога и разумного Абсолюта Гегеля: «Сущность Божия

превышает пути и судьбы Субстанции в мире» [9. С. 499]. К тому же, согласно Ильину, Бог – Един, а Субстанция Гегеля – непрерывно внутренне раздваивается.

И в результате получилось *неполное, двусмысленное и сомнительное христианство*. Может быть, даже антихристианство? Ведь истина Гегеля (Абсолютная Идея) – это абсолютный разум, самопознающий и самораскрывающийся. *Вне* Второй Ипостаси, *вне* Добра, *вне* Любви, *вне* милосердия, кротости и смирения.

Другой немец – Герман Гессе, тоже протестант из рода южнонемецких проповедников и миссионеров, говорил иначе: «Я индивидуалист и считаю христианское благоговение перед каждой человеческой душой самым лучшим и самым святым в христианстве» [3. С. 277].

В статье «Голстой и Россия» (1915) он написал: «Если же теперь, размышляя о будущем, мы исключим из своего европейского понимания Россию и русскую сущность, мы тем самым отсечем себя от глубокого и мощного источника». Этот источник – православное христианство. «От России к нам вновь приходит столь мощный поток душевности, изначально христианской любви, по-детски непоколебимой жажды искупления, что наша европейская литература внезапно обнаруживает узорность и мелочность» [3. С. 66].

Не предсказал ли Гессе в письме к Альфреду Шленкеру (1915) будущее Европейского Союза? Он написал о том, что объединенная Европа – это лишь «подготовительная ступень истории человечества». «Понадобятся культура души и глубокие религиозные ценности, а они лучше развиты у русских и азиатов. Национализм не может быть идеалом» [3. С. 74].

А для Гегеля, скорее всего, Россия была чем-то презренным. Ведь полагал же он, что победители Наполеона – из отсталых и реакционных стран. «Гегель их с ксенофобским презрением именует „казаками“, „хорватами“, „чувашами“, бранными, на его взгляд, словами» [5. С. 311].

Для многих же других мыслителей XIX – первой половины XX в. христианство еще более ненужный акцент: это и Ницше, и Клаузевиц, и идеологи войны и нацизма. К. Клаузевиц утверждал, что не следует стеснять себя никакими ограничениями в ситуации войны, никакими нормами международного права и общечеловеческой морали. «Введение принципа ограничения и умеренности в философию самой войны представляет полнейший абсурд» [10. С. 14].

Брутальность – человечность

Брутальность, жесткая воинственность, воля к власти разлиты во многих немецких учениях (Ф. Ницше, О. Шпенглер, К. Маркс, Г. Штегеман и др.). Например, Штегеман в работе «Война» (1939–1940), критикуя Клаузевица, написал о том, что сущность войны – беспощадная и беспредельная «демония», без всяких смягчений, исключительно с духом уничтожения.

Гегель, предположительно, – один из предтеч этой жесткости. Характерен биографический эпизод с лишением фамилии Гегель незаконнорожденного сына Луи (Людвига). Мальчик был принят в семейство Гегеля, но однажды он был уличен в краже ничтожной суммы – 60 пфеннигов. «Гегель впал в ярость», перевел мальчика на «девическую фамилию матери: Фишер» [5. С. 228] и исключил из семейства.

Второй эпизод – личная встреча философа с «цареубийцей, одним из самых беспощадных „террористов“» [5. С. 90] французским генералом Карно. После встречи Гегель назвал генерала «приятным стариком». И всегда праздновал взятие Бастилии и в целом Французскую революцию конца XVIII в.

Третий эпизод – *мизогинизм* философа. «Различие между мужчиной и женщиной такое же, как между животным и растением» [1. С. 241]. Женщины, в его понимании, для постижения «философии и некоторых произведений искусства, требующих всеобщего... не созданы»; «к женщинам образование приходит неведомыми путями» [1. С. 241]. Впрочем, и мужчина мало что значит, если он определяется своими «частными особенностями», склонностями. «Временное, преходящее... мало представляет собою истинную действительность, как и *частные особенности отдельного лица, его желания и склонности* (выделено мной. – В.К.)» [11. С. 192].

Гегель не жалуется и целые народы, если они отстают от цивилизованных наций. Имя им – «варвары», «неравноправные» и только формально «самостоятельные» [1. С. 436–437] народы.

Полная ему противоположность – Герман Гессе. «Отвечать ненавистью на всевозможные погромы, затеваемые против евреев и духа, против христианства и человечности, то вряд ли поможешь этим своему народу, для „народа“ „великие времена“ – это всегда времена ненависти и готовности к войне. Мы, люди духа, не должны принимать в этом участия, мы должны молчать, покуда возможно, даже если впадем за это в немилость, и должны хотя и стоять за свой народ, но не быть рабами его страстей, его жестокостей, его низости, не для того мы существуем на свете» [3. С. 241].

И еще: «А потом начиная с 1935 года не было курорта в Вашей стране, возле которого не бросалось бы в глаза большое объявление „Евреи нежелательны“, не говоря уже о встречавшейся на каждом шагу надписи „Жиды, сдохните“, по которой любой, кто не был слеп, мог ясно понять, что не за горами погромы. Нет, уже за много лет до своего прихода к власти Гитлер перестал быть для меня загадкой, перестал быть загадкой, к сожалению, и немецкий народ, который потом выбрал этого сатану, перед ним преклонялся и разрешал ему творить любые мерзости» [3. С. 292].

Иначе мыслил Гегель. Ведь неслучайно в Первую мировую войну и в 30-е гг. XX в. (перед Второй мировой войной) в немецких СМИ разрекламировали нужных деятелей культуры – «*для оправдания национализма и войны; самой успешной из таких раскопок был Гегель* (выделено мной. – В.К.)» [3. С. 209].

Милитаризм – антимилитаризм

Милитаризм как государственная идеология, политика и массовая психология, имеющая целью наращивание военной мощи государства и захватнические войны, нередко охватывал немецкие земли. Идеи милитаризма встречались у мыслителей Германии, например у Г.В.Ф. Гегеля, Фридриха Ницше, Освальда Шпенглера.

Прежде всего духом милитаризма были пронизаны произведения многих представителей немецкой военной идеологии – Клаузевица, Трейчке, Мольтке Старшего, голландца Штейнме(т)ца, Рейхенау и др. Например, Рей-

хенау доказывал, что война – это разновидность борьбы за существование, и поэтому она вечна и неистребима.

Хайдеггер в «Бытии и времени» подчеркивал необыкновенную значимость «жесткой, бесконечной войны» в философской системе Гегеля: «На каждом шагу своего „прогресса“ дух должен преодолевать „сам себя“ как поистине враждебную помеху своему назначению. Цель развития духа – „достичь своего собственного понятия“. Само *развитие* есть „жесткая, бесконечная война против самого себя“» [12. С. 434].

И когда у Гегеля речь заходила о всемирной истории, то война тем более становилась акцентированной. «Война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира» [1. С. 420].

Мирные страницы истории – пустые страницы, а войны – расцвет жизни и морального духа народа. В России, у Ф.М. Достоевского, можно тоже обнаружить мысли, аналогичные гегелевским: «Война есть повод массе уважать себя, призыв массы к величайшим общим делам и к участию в них»; «кроме войны, я никак не вижу проявлений для массы, ибо везде талант, ум и лучшие люди. Массе иногда остается лишь бунт, чтоб заявить себя. Иногда и заявляет, но это неблагородно и мало великодушия» [13. С. 90].

Антимилитаризм был характерен для Эразма Роттердамского, Ганса Якоба Кристоффеля фон Гриммельсгаузена (1622–1676), Иммануила Канта и др. Яркий и гениальный антимилитарист XX в. – Герман Гессе. Он написал в Цюрихе уже осенью 1914 г. статью «о *деградации немецкого духа* (выделено мной. – В.К.) в военную пору» [3. С. 121].

Как уже отмечалось, Гегеля в Германии нередко использовали для оправдания национализма, идеи мирового господства и войны. Впрочем, многие немцы и так были убеждены в истинности этих идей. После Второй мировой войны Герману Гессе шли письма из лагерей немецких военнопленных – от Египта до США. Их авторы нередко саркастически высказывались о Боге и мире, «а порой и просто угрожали новой войной». «О другом, о том, что они, как немецкие солдаты, годами творили с миром, не говорилось ни слова» [3. С. 284–285].

«Факт: у немецкого народа в целом нет ни малейшего чувства ответственности за то, что он причинил миру и себе самому. Доносятся отдельные голоса вроде трогательного голоса госпожи М.» [3. С. 294].

Гессе открывает немецкий дух нацизма и милитаризма в следующих словах: «Во время победного немецкого разбойничьего похода через половину России немецкие мальчишки-солдаты писали мне иногда так: „Мы стоим у Кавказа, чтобы защищать высочайшие ценности немецкого духа, к которым мы относим и Ваше творчество“» [3. С. 310].

Некто пытался найти поддержку у Гессе и получал ответ: «Не должны ли Вы в конце концов помочь мечом Германии Гёте встать на ноги! Нет, Вы не предадите ни Гёте, ни Баха, если не поднимете меч ради них. Но Вы предадите свою немецкую сущность, если уйдете от своей духовно-нравственной задачи... соединяться» с этой немецкой сущностью [3. С. 310].

Иногда немцы меняли свои ценности в течение исторического времени. Так, Гессе вспоминает старого священника, который говорил о себе – я «немец», «христианин» и не сдался при Гитлере, но в Первую мировую вой-

ну был «порядочным немцем, был непоколебимым патриотом и националистом» [3. С. 285].

А Гессе еще во времена поражения Германии в Первой мировой войне писал: «Побежденная Германия будет честнее и чище той, какой она стала бы в случае победы. ...Но куда труднее было бы пережить ее победу, *победу заносчивости и притязаний на мировое господство* (выделено мной. – В.К.), которые были официальной политикой Германии вплоть до ее краха» [3. С. 121]. Гессе признавался: «Я рад, что уже во время первой войны порвал с Германией и ее проклятой политикой пушек» [3. С. 292].

В 1961 г. он продолжал бороться против войны и национализма: «Сегодня актуальны другие проблемы, и во многих странах благородный национальный дух превратился в опасный национализм» [3. С. 346].

Радикализм – антирадикализм

Можно также показать и такую аксиологическую оппозицию: радикализм – антирадикализм. Радикализм предполагает сильные качественные преобразования за сравнительно короткое время, часто связанные с насилием. Антирадикализм, напротив, осторожен и консервативен и отрицает чрезмерность изменений в движении и развитии.

Гегеля можно доказательно связывать с идеей революционного радикализма. Он жил на рубеже XVIII–XIX вв., когда бурно шел процесс *секуляризации*, совершалась Французская революция, а потом и другие. Будущие пасторы, включая Гегеля, в Тюбингенской семинарии увлекались Руссо и Монтескье; симпатизировали идеям «свободы, равенства и братства» [5. С. 78], восхищались Наполеоном. Франция после Революции достигла настоящего национального единства, которым не обладала Германия. Гегель был убежден, что происходит «омоложение» Абсолютной Идеи, и «революционная и наполеоновская Франция – пример и наука. ...Германия, благодаря глубинам своего духа, добьется большего, чем учитель» [5. С. 244].

Кроме того, в душе Гегеля жила идея радикальной свободы, отражавшая национально-патриотические чаяния немецкого народа, ожидание немецкого «Наполеона». Не из этой ли глубины его желание «внести в Философию идею абсолютной свободы» [5. С. 212]? Не отсюда ли и восторженное восприятие революционной Франции и Наполеона? Он писал: «Я видел, как император – душа мира – выезжает из города... Озирает весь мир и повелевает им». Это «необычайный человек, которым нельзя не восхищаться» [5. С. 221–222].

Герман Гессе же оказался ближе к антирадикальным идеям. Но большинство немцев первой половины XX в. мыслили иначе: они жаждали *радикально* утвердить свою нацию и страну, причем в такой степени, что дело дошло до двух мировых войн с желанием восстановить «справедливость» в вопросах территорий, колоний, продовольствия и даже мировой власти. Гессе писал в 30-е гг.: «Во время войны политики ничего не стоят, „не только весь народ восхищенным ревом приветствует жестокость, нарушения прав“, но и интеллектуалы; я присмотрелся к „немецкой духовности“, „школе, литературе“, и в основном это „пустые и лживые“» [3. С. 201].

После Второй мировой войны он сделал вывод *о немецком духе*, о «горячечном сне того состояния духа, из которого выходят войны, расовые преследования и братоубийственные сражения между людьми» [3. С. 274].

Гессе пишет: после первой мировой войны многие говорили: «никогда больше не воевать!», но скоро все изменились. «Вот почему я не слишком всерьез принимаю сегодняшнее единодушие в проклятиях Гитлеру и не вижу в этом единодушии никакой гарантии политической переориентировки или хотя бы политического просвещения и опыта»; серьезны только страдалыцы-одиночки (антифашисты) [3. С. 288].

Наконец, при вручении Нобелевской премии Гессе сказал: «В основе Нобелевского фонда» – «мысль о сверхнациональности и интернациональности духа и его обязанности служить не войне и разрушению, а миру и примирению» [3. С. 289].

Расизм и национализм – антирасизм и интернационализм

Арийский расизм в Германии на рубеже XIX–XX вв. стал играть весьма заметную роль, особенно для пангерманистов, которые именно в этом ключе понимали немецкий дух и межнациональные конфликты. Например, Людвиг Вольтман (1871–1907) в своих трудах доказывал необходимость расовой войны и расового евгенического «оздоровления» человечества. В его понимании борьба рас – это органическая основа всякого культурно-исторического развития. Карл Хаусхофер (1869–1946) в книге «Границы в их географическом и политическом значении» настаивал на необходимости убеждения народа «в недостаточности жизненного пространства... и в невыгодности его теперешних границ» [14. S. 106–107]. Он полагал, что народ надо «увлечь» именно таким образом.

Поэтому не удивительно, что Герман Гессе перед началом Второй мировой войны отметил: я встречал «людей самых безумных представлений о невиновности Германии, о ее праве на неограниченные аннексии, и все же это были люди, которым я смело мог бы пожать руку» [3. С. 222]. То есть национализму поддавались даже весьма благородные и достойные немцы. Гессе замечает, что даже «„немецкое“ христианство наших дней... отрицает примат духа, ибо опьянено религией „расы“» [3. С. 241].

Среди предтеч духа расизма и национализма оказался и великий философ Г.В.Ф. Гегель. Он своеобразно обнаружил даже *франкофобию*: французы, оказывается, не способны вывести учение из всеобщей мысли или понятия предмета, а разбрасывают мысли «просто как молнии» [6. С. 71].

Гегель с легкостью называл неевропейцев, например пещересов и эскимосов, «самыми тупыми дикарями» [6. С. 65]. «Неумелость» китайцев оценивал как безнадежную: они «не могут составить календаря и, по-видимому, неспособны к какой бы то ни было самостоятельной научной мысли» [11. С. 215].

Понимал ли великий философ, что его идеи антигуманны и оправдывают колониализм и расизм? В его понимании, «народы-варвары» не способны к самостоятельному существованию и развитию. Он писал: «Цивилизованные нации рассматривают другие народы, отстающие от них в субстанциальных моментах государства... как варваров и неравноправных им, а самостоятельность этих народов – как нечто формальное» [1. С. 436–437].

С немецким и европейским высокомерием он говорил: Александр Македонский *принес культуру* в эту «в высшей степени некультурную смесь народов, эти страны, ввавшие в полную духовную расслабленность, духовное отрицание и вырождение». Александр «основал обширную азиатскую империю... для греческого народа (выделено мной. – В.К.)» [11. С. 214–215].

Гессе же полагал совсем иначе: «Национализм не может быть идеалом»; «я считаю себя патриотом, но прежде всего я человек, и, когда одно не совпадает с другим, я всегда встаю на сторону человека» [3. С. 74]. После Второй мировой войны (1946 г.) Гессе все тот же: «Один Бог живет в каждом из нас... каждое место на Земле – отечество нам, каждый человек – родственник нам и брат, что знание этого божественного единства разоблачает всякое деление на расы, народы, на богатых и бедных» [3. С. 274].

Гёте, в понимании Гессе, тоже явил собой «добрый дух нации» и «не был националистом». Мудрость Гёте «есть не что иное, как обоготворение жизни, как благоговение перед жизнью, она желает лишь служить ей, и у нее нет никаких притязаний, требований или прав» [3. С. 210].

Зато Гегель, в понимании писателя (статья 1932 г.), упоминается совсем не в гётевском смысле. Не оказалась ли первая немецкая идеология, к которой имеет отношение и Гегель, «поблажкой лжеименному человеческому разуму с его философскими бреднями» [15. С. 90]?

Тоталитарный дух и антиэкзистенциализм – гуманизм и экзистенциализм

Гегеля можно также связать с философским обоснованием *тоталитарного духа и антиэкзистенциализма*.

Философ был упоен своим «Мировым духом», который «не обращает внимания даже на то, что он употребляет многочисленные человеческие поколения для этой работы своего осознания себя, что он делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих человеческих сил; он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело *en grand*, у него достаточно народов и индивидуумов для этой траты»; «во всемирной истории прогресс совершается медленно» [4. С. 97]. Гегель в соответствии с этой идеей рассматривает и человека, и социальную группу, и народ, и общество.

Государство у него сущностно по высшему счету, в том числе для человека. Даже свобода человека («осознанная необходимость») невозможна без государства и служения государству. «Государство есть действительность конкретной свободы», где личность получает «полное *развитие* и *признание своего права* для себя». Интересы личности признают всеобщий интерес «как свой собственный *субстанциальный дух* и *действуют* для него как для своей *конечной цели*» [1. С. 328]. У личности появляется, наконец-то, личная цель, но, правда, она *исключительно* во всеобщем субстанциальном интересе. А где же человек?

Не виновен ли и Гегель в появлении в XX в. нового человека, о котором пишет Г. Гессе: «Возник коллективный человек без одиночной души, который кладет конец всей религиозной, а также индивидуалистической традиции человечества» [3. С. 277]? Гессе сомневался в отношении «ребячливого, но все же глубоко опасного самодовольства «массового человека», лишенного

веры и мыслей, с его легковесностью, с его заносчивостью, с его недостатком смирения, сомнений, ответственности» [3. С. 223].

Не подавило ли Всеобщее – от Абсолютной Идеи и до Общества и Государства – «одинокую душу», живую жизнь, одну-единственную любовь, теплую веру, трепет и нежность, сладкую свободу и многое другое?

Герман Гессе в «Степном волке» так описывает *иной* выбор человека: «С верой Гарри в бессмертных уже можно жить, я в этом глубоко убежден. С этим можно не только переносить жизнь, но и преодолевать время» [3. С. 198]. Гессе защищает личный выбор человека, *личный путь*, порой даже вопреки государству, обществу, нации. «Каждый, кто идет в жизни собственным путем, – герой. Каждый, кто действительно так поступает и осуществляет то, на что способен, – герой, даже если он делает при этом нечто глупое и реакционное» [3. С. 221]. Ему понятна и близка позиция Франца Кафки, который увидел в *проблеме человека* *многозначные и безответные аспекты* – «сомнительность нашего существования», неясность происхождения и отношений с Богом [3. С. 252].

Гессе увидел воочию, как преобразился великий и культурный народ, как «весь народ восхищенным ревом приветствует жестокость, нарушения прав» [3. С. 201]. Как были «разрушены все мосты между духом и народом» [3. С. 208]. Акции «добрых духов нации» (Гёте, Гердера, Канта) вдруг покатились вниз. Гегель подобное не объяснял и философско-идеологически не принимал.

Прекратится ли когда-нибудь война двух немецких идеологий? Не слишком ли глубоки изначальные противоречия немецкого народа? А. Гитлер в Меморандуме 1936 г. одно из решающих противоречий обозначил так: судьба Германии – это «неудачное географическое положение в Европе» [16. С. 317]. Это *зжатость* между «негроидной» и «вырождающейся» Францией, сильным «вековым врагом» Англией и варварской Россией как потенциальной колонией.

Не прав ли Панарин, утверждавший, что в основе западной (а нацистской тем более) картины мира «лежат не столько демократические ценности, сколько ценности белого расизма, отмеченного глубоко укоренившимися фобиями в отношении «азиатчины»» [17. С. 22]?

Ушел ли навсегда радикализм нацистов по отношению к Великобритании? Они были убеждены, что Англию нужно поставить «на колени». 1 апреля 1942 г. Гитлер говорил в узком кругу, «что если этого не сделает нынешнее поколение немцев, то эту задачу должно будет выполнить следующее поколение» [16. С. 55].

Циклическое понимание истории не позволяет мыслить благодушно. Циклы европейской и всемирной истории связаны с «дихотомиями национализма и глобализма, открытости и закрытости»; фанатичности и прагматизма [17. С. 15]. Циклически сменяются принципы бытия – «биологический («естественный отбор») и социальный (презумпция равного достоинства сильных и слабых), а также два типа морали – социал-дарвинистской и солидаристской» [17. С. 15; 18]. Не проявился ли социал-дарвинистский принцип, скорее всего, наиболее опасный принцип бытия, с наибольшей силой в Германии? Или украинский интегральный национализм превзошел своего учителя? И не есть ли как бы либеральная идеология «золотого миллиарда» – не-

кий дихотомический симбиоз, но все с той же «естественно-отборочной» моралью?

Однако слышен и голос одинокого человека. Герман Гессе по-прежнему хочет паломничества в страну Востока: «Иначе в этом бездуховном мире было бы в самом деле трудно выдержать» [3. С. 264].

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М. : Мир книги : Литература, 2007. 464 с.
2. Гольц Кольмар фон дер. *Вооруженный народ*. СПб. : Военная типография, 1886. 449 с.
3. Гессе Г. *Письма по кругу*. М. : Прогресс, 1987. 400 с.
4. Гегель Г.В.Ф. *Лекции по истории философии*. Книга первая. СПб. : Наука, 2001. 349 с.
5. Д'Онт Ж. Гегель. *Биография*. СПб. : Владимир Даль, 2012. 511 с.
6. Гегель Г.В.Ф. *ЭФН*. Т. 3: *Философия духа*. М. : Мысль, 1977. 471 с.
7. Честертон Г.К. *Вечный Человек*. М. : Политиздат, 1991. 544 с.
8. Ситковский Е. *Учение Гегеля о человеке* // Г.В.Ф. Гегель. *ЭФН*. Т. 1: *Наука логики*. М. : Мысль, 1974. С. 411–448.
9. Ильин И.А. *Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека* : в 2 т. СПб. : Наука, 1994. 542 с.
10. Клаузевиц К. *О войне*. М.: Гос. воен. изд-во, 1934. 692 с.
11. Гегель Г.В.Ф. *Лекции по истории философии*. Книга вторая. СПб. : Наука, 2001. 423 с.
12. Хайдеггер М. *Бытие и время*. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
13. Достоевский Ф.М. *ПСС* : в 30 т. Т. 24: *Дневник писателя за 1876 год*. Ноябрь–декабрь. Л. : Наука, 1982. 518 с.
14. Haushofer K. *Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung*. Heidelberg, 1939. 279 p.
15. *Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский*. Я предвижу восстановление мощной России. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2012. 640 с.
16. Дашичев В.И. *Банкротство стратегии германского фашизма*. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1: *Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе*. 1933–1941. М. : Наука, 1973. 766 с.
17. Панарин А.С. *Правда железного занавеса*. М. : Алгоритм, 2006. 336 с.
18. Крывелев И.А. *К характеристике немецкой военной идеологии* // *Вопросы философии*. 1947. № 2. С. 110–137.

References

1. Hegel, G.W.F. (2007) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translated from German. Moscow: Mir knigi: Literatura.
2. Goltz, C. von der. (1886) *Vooruzhennyy narod* [Armed People]. Translated from German. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
3. Hesse, G. (1987) *Pis'ma po krugu* [Letters in a Circle]. Moscow: Progress.
4. Hegel, G.W.F. (2001) *Leksii po istorii filosofii. Kniga pervaya* [Lectures on the History of Philosophy. Book One]. St. Petersburg: Nauka.
5. D'Hondt, J. (2012) *Gegel'. Biografiya* [Hegel. Biography]. Translated from French. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
6. Hegel, G.W.F. (1977) *EFN*. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Mysl'.
7. Chesterton, G.K. (1991) *Vechnyy Chelovek* [Eternal Man]. Translated from English. Moscow: Politizdat.
8. Sitkovskiy, E. (1974) *Uchenie Gegelya o cheloveke* [Hegel's doctrine of man]. In: Hegel, G.W.F. (1974) *EFN*. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 411–448.
9. Ilin, I.A. (1994) *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka* [Hegel's Philosophy as a Doctrine of the Concreteness of God and Man]. St. Petersburg: Nauka.
10. Clausewitz, K. (1934) *O voyne* [About the war]. Moscow: Gos. voen. izd-vo.
11. Hegel, G.W.F. (2001) *Leksii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy]. Vol. 2. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
12. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.

13. Dostoevsky, F.M. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t.* [Complete Works in 30 vols]. Vol. 24. Leningrad: Nauka.
14. Haushofer, K. (1939) *Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung*. Heidelberg: [s.n.].
15. Holy Righteous Father John of Kronstadt. (2012) *Ya predvizhu vosstanovlenie moshchnoy Rossii* [I foresee the restoration of a powerful Russia]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
16. Dashichev, V.I. (1973) *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma. Istoricheskie ocherki, dokumenty i materialy* [Bankruptcy strategy of German fascism. Historical essays, documents and materials]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
17. Panarin, A.S. (2006) *Pravda zheleznogo zanavesa* [The Truth of the Iron Curtain]. Moscow: Algoritm.
18. Kryvelev, I.A. (1947) К характеристике немetsкой военной идеологии [On the characteristics of the German military ideology]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 110–137.

Сведения об авторе:

Курабтцев В.Л. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета (МГОУ) (Москва, Россия). E-mail: kurabtsev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kurabtsev V.L. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Moscow Region State University (MRSU) (Moscow, Russian Federation). E-mail: kurabtsev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.12.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 16.12.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*